

Вслед за Иваном Великим

Князь Сергей Голицын

В Великую Среду мне предстояло впервые в жизни исповедоваться. Я обошел весь дом, попросил прощения у дедушки и бабушки, у матери, у брата Владимира, у всех сестер, отправился просить на кухню у слуг. У тети Саши мне очень не хотелось просить, но я пересилил себя, и она мне сказала: «Бог простит». Не попросил я у отца, потому что его не было дома, и у ненавистного лакея Глеба.

Свои грехи я выучил наизусть. Я знал, если пропущу хоть один грех, то все остальные не прощаются. Мы пришли с матерью в непривычно тихую и едва освещенную церковь. В боковом притворе выстроилась молчаливая очередь к ширмам, за которыми находился наш старенький батюшка. Стоять и ждать было страшно. Я все повторял шепотом свои грехи. Наконец подошла моя очередь. Задержав дыхание, я шагнул вперед и увидел батюшку, такого с виду доброго, что весь мой страх пропал и я, встав на колени, быстро-быстро отпартовал ему свои грехи.

— Слушайся своих родителей, — сказал он тихим голосом и, спросив, как меня звать, благословил меня епитрахилью и отпустил.

Теперь мне нужно было пересилить себя и до завтрашнего дня ни разу не грешить. Я побежал домой. В детской младшие сестры играли в куклы. Меня так и подмывало подскокить к ним и поддать кукол ногой, но я знал, это дьявол меня искушает и потому кротко встал рядом. И тетю Сашу я хотел позлить, но в тот день она тоже исповедовалась, пребывала в благодушном настроении и не сделала мне ни одного замечания. Так я и лег спать в полном сознании своей безгрешности.

Утром пошли причащаться с матерью и с тетей Сашей без завтрака натошак. Решили, что у Георгия на Вспольи будет много причастников, и отправились на Кудринскую площадь, в домовую церковь Вдовьего дома. Там теперь помещается Институт усовершенствования врачей. Но народу в тамошней церкви оказалось полно, и не только вдов. Когда священник вынес Святые дары, то двумя тесными потоками двинулись к нему причастники. Сдавило нас крепко, но я сумел проскользнуть в шелку между впереди стоящими, а мать и тетя Саша были отгеснены. Я подвигался вперед, меня несла толпа. Наконец, священник протянул мне ложечку. А я забыл, что должен назвать свое имя.

— Мальчик, как тебя зовут? — второй раз переспросил меня священник.

— Сергей, — ответил я, ликуя.

Возвращались мы радостные, мать и тетя Саша только ужасались тесноте в церкви. Дома нас поздравляли. Бутерброды с осетриной и икрой казались мне особенно вкусными.

В Великую Пятницу мы сами делали пасху. В комнате моей и Владимира выдвинули на середину табуретку, ее окружили: моя мать, тетя Саша, Владимир, все четыре мои сестры. А Нясенка и Лина принесли творог, сметану, сахар, изюм, цукаты, глиняную дежу, веселку, ложки, сито. И пошла работа, со смехом, с восклицаниями! Командовала мать — когда и что именно положить в дежу, когда прекратить мешать и т. д. Мне тоже дали работу: перебирать и мыть изюм. Мешали веселкой по очереди Владимир и Лина, а потом, когда белую сладкую массу вывалили в пасочницу, нам разрешили ложками очищать внутренние стенки

дежи. Я вопил, видя, что Владимир, Лина и Соня больше захватывали белой сладкой кашицы, чем я. Мать их отстранила и дала возможность лизать только мне и Маше. А малышке Кате дали полную ложку и без лизания.

В Великую Субботу красили всей семьей в разные цвета яйца, обкладывали яички пестрыми шелковыми лоскутками и опускали их в горячую воду, такие яйца получались как бы мраморные, очень красивые...

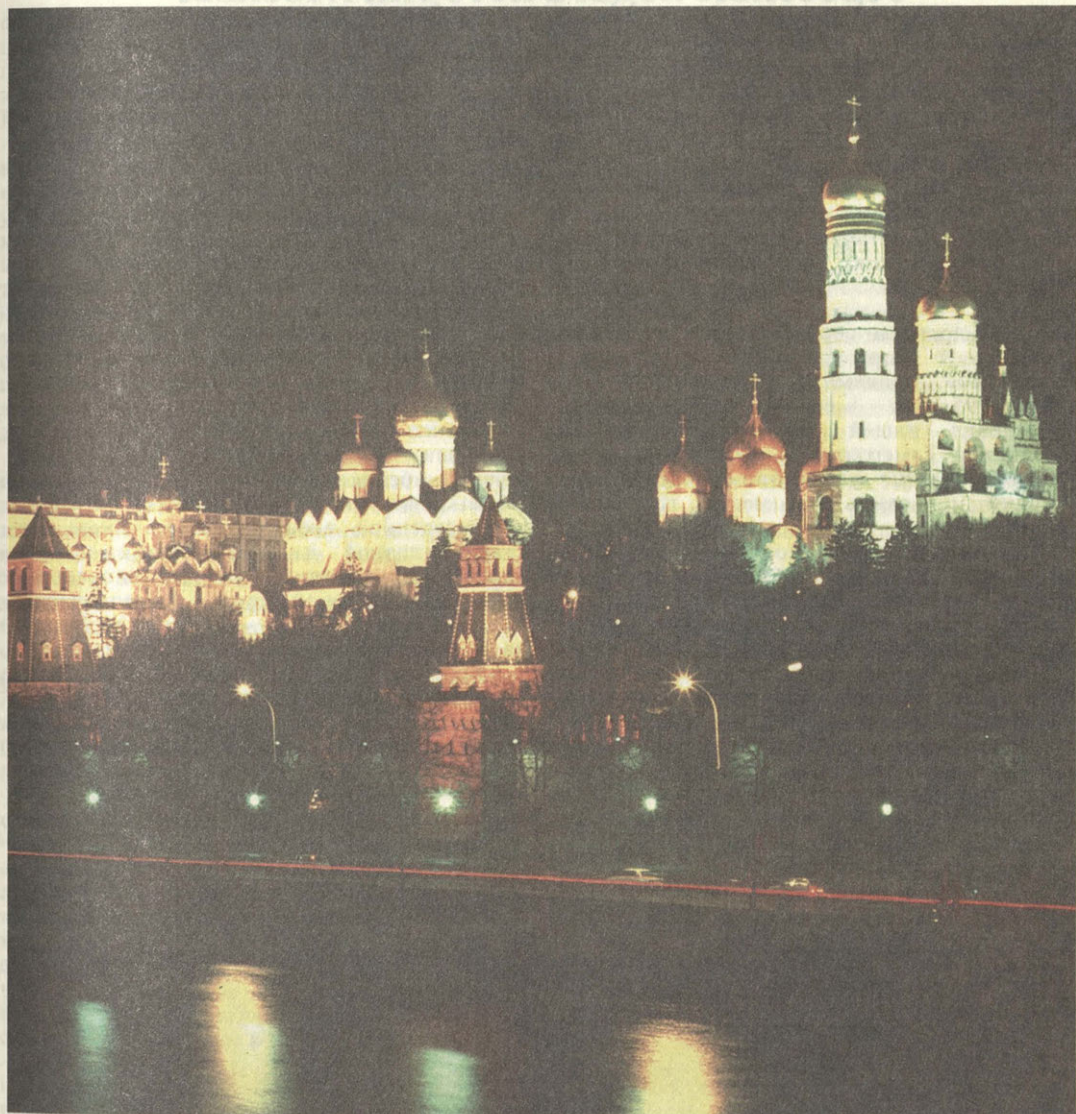
Мне страстно хотелось попасть на церковную службу Пасхальной Заутрени, но я знал, что даже просить об этом нельзя. Мать сжалилась надо мной и пошла на жертву. Она сказала, что разбудит меня в полночь, откроет форточку и мы вместе послушаем Пасхальный звон.

Она исполнила свое обещание, разбудила меня, закутала в плед, поднесла босого, в одной ночной рубашке к окну, поставила на стул, открыла форточку. И мы стали ждать.

Я вглядывался в черное, усыпанное звездами небо, смотрел на черные силуэты деревьев нашего сада; они выделялись на фоне высившихся на другой стороне переулка домов с освещенными окнами, мы вдыхали свежий ночной воздух, вслушивались в тишину, ждали...

Первым, как двести лет подряд, ударил колокол на Иване Великом. Густой, низкий и могучий звук его разнесся по Москве, по окрестностям. И тотчас же все сорок сороков зазвонили радостно и благозвучно. Праздничный звон сливался в едином порыве. Гудело везде — и ближе, и дальше. Казалось, само небо поет и славит Бога. Но отдельные ближние колокола все же различались.

— Это у Ермолая, — говорила мать, поддерживая на мне плед, — это у Спиридония, а

**Звон медный несется,
гудит над Москвой...**

это, наверное, у Большого Вознесения. А это наш, наш Георгий на Вспольи заливается...

И не думали мы тогда, и никто в Москве не думал, что тот Великий Пасхальный ночной звон, такой победоносной мощи и силы, был последним. И молчит с тех пор Иван Великий. А московские колокола еще несколько лет звонили, но слабо, робко и с опаской, пока не наложен был на звон запрет. А потом настал печальный день, и к ужасу и страху верующих со стоном и звяканьем по всей стране пошли сбрасывать

колокола.

Но верю я, настанет время и опять позовет к Пасхальной молитве колокол на Иване Великом, но ответного столь дружного звона следующим поколениям москвичей не услышать никогда...

На месте веселой желтенькой церкви Святого Ермолая теперь небольшой сквер, на месте мощного белого с синим куполом храма мученика Спиридона высокий жилой дом, на месте Георгия на Вспольи громада Дома звукозаписи, а там, где стояла старинная стройная

шатровая колокольня Большого Вознесения, теперь торчит памятник Третьему Толстому. Тот похожий на Бога Саваофа священник давным-давно скончался просто от старости, а маленький домик его, всего в четыре окошечка, до сих пор стоит на Малой Никитской, стиснутый высокими домами...

Как я должен благодарить свою мать, что она дала мне радость единственный раз в жизни услышать праздничный московский колокольный звон!

Публикация Е.М.Перцовой